

«Хроники времен
Виктора Подгорского»,
«История
одной компании»,
«Евангелие
от Робеспьера»,
«Прогноз на завтра»

Анатолий ГЛАДИЛИН: ДО СИХ ПОР ПИШУ ПЕРЫШКОМ

**Имя писателя
Анатолия
Гладилина больше
знакомо старшему
поколению.**

На волне хрущевской «оттепели» известность ему принесли романы «Хроники времен Виктора Подгорского», «История одной компании», «Евангелие от Робеспьера», «Прогноз на завтра» и др. Но «оттепель» сменилась «застоем», и те, кто шел не в ногу со строем, должен был сделать свой личный выбор.

Анатолий Гладилин выбрал эмиграцию. Он оказался во Франции, много лет работал на радио «Свобода» (Парижское бюро).

Писал и издавал книги, которые на родине никто не имел возможность читать. И даже не мечтал о том, что в России что-то изменится. Но изменилось. Во время последнего приезда Гладилина на родину мы встретились с ним и говорили о том, что на самом деле происходило тогда, когда оставаться в нашей стране таким людям, как Анатолий Тихонович, было невозможно.

Подлинную историю своего отъезда Гладилин и поведал мне.

мне очень быстро все оформили, без препятствий. Вообще я ожидал каких-то обличительных речей, но их не было. Даже такой «зубр», как Михаил Алексеев, сказал только: «Мы вынуждены исключить Гладилина. Ведь за границей нет Союза писателей СССР». Вот так и уехал.

— Как вы оказались в Париже? Ведь можно было ехать в Америку.

— Мне позвонил Максимов и сказал: «Не надо тебе ехать в Америку». Тот же Сахаров мне говорил: «Раз вы решили уехать, то у меня к вам просьба — поезжайте в Париж. Там Володя Максимов

делает «Континент», но очень резко, агрессивно. А вы его друг, вы человек мягкий и сможете как-то изменить тональность». Так я попал в Париж. Но едва пересек границу, сказал себе: «Забудь, что в России ты был известным писателем. Здесь тебя никто не знает. Здесь ты должен начинать работать».

— Как вас встретили? Трудно ли было первое время?

— Поначалу я прибыл в Вену. Там меня встречал человек, который ходил за стеклом и держал «Континент» с моим портретом. Потом мне сразу вручили 1000 марок, я даже еще границу толком не перешел. Я скромно спросил: «А нельзя ли подождать? Почему так срочно?» Но у кассы я увидел, сколько стоит немецкая марка, и почувствовал себя миллионером. Этот же че-

«Свободы». Но первым закрыли Парижское отделение. Потому что Париж им дорого стоил. Мы же пробивали Париж у американцев. Мюнхенское отделение — это хозяева, а к нам в Париж они приезжали и входили на цыпочках. Я видел, что в том деле, которым я занимаюсь, они ни хрена не понимают. И решил, что они должны меня слушаться. Так, например, мы для своих авторов выбивали льготы. Я их выбивал сам, и в первую очередь — для Виктора Платоновича Некрасова, чтобы у него было и социальное страхование, и максимальное количество передач. наших авторов нельзя было просто так уволить. А в Америке все было по-другому. Например, Сережа Довлатов никогда сам за себя не просил.

Звонят мне как-то из лучшего русского издательства в Америке — «Ардис». Оно издавало и Довлатова, и Бродского, и мы с ними дружили. Звонят и говорят: «Толя, Довлатова уволили с радио. Сделай что-ни-

Едва пересек границу, я сказал себе: «Забудь, что в России ты был известным писателем. Здесь тебя никто не знает. Здесь ты должен начинать работать»

будь». А у меня были особые отношения с начальством, я набрал номер Мюнхенского отделения и полчаса директору объяснял, что такой Довлатов, иногда переходя на ненормативную лексику. Через час Довлатов был восстановлен.

— Расскажите о книге, которую вы привезли сейчас в Москву.

— Это — «Тень всадника», исторический роман, который я писал в течение последних четырех лет. Ради этого плюнул на журналистику и вообще на все. Думаю, что это самая моя лучшая книга. Пришло время написать что-то серьезное.

— Вам нужно вдохновение, чтобы писать?

— Вдохновение — да. Но все-таки у меня уже не те годы. Надо заставлять себя работать. Раньше, в молодости, я писал книгу за месяц. А сейчас, хоть книга сложилась в голове, но чтобы ее написать, мне понадобилось четыре года. Я ведь пишу по старинке — перышком, потом переписываю, потом снова переписываю.

— Где живут ваши дети?

— У меня в Париже две дочери и четверо внуков. Я не знаю, какой я был отец. Возможно, одна дочь скажет, что я прекрасный отец, а другая дочь — что не очень. Но то, что я оказался идеальным дедом, — это все подтвердят. Так что у меня много забот. Стоит только дочери почувствовать, что я свободен, как она — раз! — «Папа, тебя ждут внуки».

Светлана ЛЕПЕШКОВА

— Анатолий Тихонович, как «это» все случилось?

— Как ни странно, но я начну не с себя, а с Андрея Дмитриевича Сахарова. Мы часто собирались у Сахаровых на улице Чкалова по четвергам, но тут меня пригласили на квартиру Люси (Елены Георгиевны Боннер), и мы хорошо посидели. Я решил сказать Андрею Дмитриевичу о своем решении уехать. И увидел по его глазам, что ему это не нравится. Тогда я стал объяснять ему причину этого решения. Я сказал, что здесь для меня наступил предел. И у меня такое ощущение, что если я останусь, то просто буду убийцей. Я убью следующего своего редактора. Ведь редакторы всегда были хорошие люди, они хотели как лучше. Они говорили: «Хочешь, чтобы книга увидела свет, делай вот так-то и так-то». Просто они знали некие литературные ходы. Но для этого мне надо было снимать один кусок текста, переписывать другой и т. д., то есть себя надо было корезить, корезить и корезить. Если бы была хоть какая-то надежда, что все может измениться, я бы остался. И Андрей Дмитриевич сказал, что у него такое же ощущение от Советского Союза — что все это — навсегда. Навсегда! Эта убежденность была, пожалуй, главной причиной решения уехать.

— Анатолий Тихонович, а какие отношения у вас были с Союзом писателей? Как к вам там относились?

— Представьте, в Союзе писателей ко мне относились хорошо. Все, что я успел выпустить, я выпустил. Правда, когда я пришел в Союз писателей и сказал, что хочу уехать, секретари меня вытолкали: «Толя, иди, иди, мы не хотим ничего знать. Приходи через три дня. Мы ничего не

слыхали, мы никому ничего не говорили, мы хотим посоветоваться». Через три дня я пришел. Тогда Московским Союзом писателей руководил Виктор Николаевич Ильин — генерал КГБ. Между прочим, очень приличный человек, когда мог сделать добро — делал, и вел себя гораздо приличнее, чем многие мои товарищи-писатели, начиная с Феликса Кузнецова — те уже не имели ни стыда, ни совести. Так вот. Вхожу я и вижу: сидят Ильин и Катаев, мой учитель, «крестный отец» по журналу «Юность». Ильин на цыпочках, как тень, вышел из кабинета. Катаев начал так: «Толя, мы знаем, что вы хотите уехать. Берите советский паспорт и уезжайте куда угодно. Только сидите тихо. Пожалуйста». То есть не надо давать интервью, приглашать западных журналистов и т. д. Небольшое отступление. Я советовался с Аксеновым — как мне уезжать. Вася Аксенов мне тогда сказал: «Уезжать надо только с советским паспортом. Добейся советского паспорта». Он, видимо, для себя видел в этом какой-то путь. И потом тоже уехал с советским паспортом. Это была попытка нормального отъезда, безуспешная, впрочем: гражданства лишили немедленно. Так вот, вернемся к Катаеву. Я ему сказал: «Валентин Петрович, меня устраивает советский паспорт». И буквально через 10 дней он мне позвонил, — а телефон уже прослушивался, это было ясно, — и сказал мне открытым текстом: «Толя, они суки! Они ничего не хотят! Поэтому поступайте, как считаете нужным. Я вам желаю всего хорошего». Потом мы приехали к нему на дачу, там поговорили. И когда я пришел в Союз писателей, там говорили со мной уже совсем по-другому: «Хотите уезжать? Пожалуйста. У вас жена еврейка? Вот по этой линии и уезжайте». И

Вос. Москва. - 2004 - 6авт. - с. 5